

О, ДИ И К О, ДНОМУ

Д. Гуренко

1:1

2002

Дмитрий Гуренич

Один к одному

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27065873

SelfPub; 2017

Аннотация

Ремейк рассказа А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича". Главный герой – американский программист, выходец из бывшего СССР. Действие происходит в Новой Англии и охватывает один зимний вечер в 2002 году. С небольшими сокращениями рассказ был впервые опубликован в том же году в альманахе "Лебедь" (Бостон).

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Оформление обложки Ю. Меклера

Бездна звала своих детей назад.

А. Солженицын

“В круге первом”, т.1, гл.24.

Было пять часов вечера, когда стало окончательно ясно, что пора собираться домой, а за окном было уже как посреди ночи – всё тьма и тьма. В окно офиса попадало три жёлтых фонаря: два на стоянке и один снаружи, но лишь погасив свет и прижавшись лбом к холодному стеклу, можно было разглядеть в очерченном фонарём конусе света летящую с неба колючую мокрую смесь, да ещё, скосив глаза вниз, ухватить полоску обледенелого тротуара возле банка напротив.

Обычно Шехтман не торопился уходить с работы пораньше, но сегодня еле досиживал из последнего. Ещё с утра показалось ему, что он заболевает, а теперь к саднящему с ночи горлу прибавилась головная боль, и поясница не то чтобы заболела, а вроде как начало её ломать сбоку. Не поймёшь, то ли от простуды, то ли от того, что намахался с утра в снегу лопатой.

Шехтман представил, как сейчас будет он разогревать машину и скоблить ветровое – остальные уж как-нибудь – стекло, а до того ещё как бы не пришлось, сняв рукавицу, ото-

гревать замерзший замок стремительно стынувшей ладонью и как будет его знобить и ломать все эти десять долгих минут, что надо будет прожить с того мига, когда, замотавшись шарфом и засунув руки поглубже в карманы, он шагнет из освещенного вестибюля в стылую темень бескрайней парковки, до той сладкой минуты, когда окна в машине оттают и печка начнёт давать влажное поначалу тепло.

Езды по такой погоде станет никак не меньше минут пятидесяти, и чем позже он сейчас выйдет, тем больше других таких же окажется с ним вместе на дорогах графства и тем больше времени уйдёт на то, чтобы преодолеть эти девять с половиной миль, отделяющие его от горячего душа, таблетки тайленола и стакана виски. И пледом накрыться бы. И поверх пледа навалить чего-нибудь потяжельше. А уж кормят пусть бульоном пустым, лады.

В окнах верхних этажей банка начали один за другим гасить свет – значит, край выходить: ещё четверть часа и банковские запрудят своими тачками весь проезд от слепой глыбы бывших складов до торчащей арматуры недостроенного виадука, и жди потом своей очереди, чтобы вывернуть на левую стрелку, – когда пять минут, а когда и поболее. Это как кому повезет.

Шехтман проворно сунул ноги в стоявшие тут же под столом жёлтые с чёрным чоботы – резиновая обувь, след автомобильный. Кто-то придумал надевать их поверх башмаков, чтоб ноги не промокали, и правда, Шехтман заметил,

помогает. У многих теперь такие чуни, торгуют ими повсюду. Шнуровать их особо не надо, раз-раз и готово, теперь полушубок кожаный, рукавицы – вот они, шарф – по дороге намотаем, а шапку – уж чего-чего, а чтоб шапку носить, так себя Шехтман не опускал, и хоть в тридцатиградусный мороз, хоть бы и с простудой, а ходил только без шапки.

Перед лифтами народ уже затолпился, видать, давно не было чтой-то. Джефф Мак-Лафлин, стоя тут же, возле, в таких же как у Шехтмана чунях, возмущался громче всех и говорил, что начальство на сороковом этаже нарочно велит секретаршам задерживать лифты наверху, чтобы они всегда были для них наготове, как лимузины. Увидев Шехтмана, Мак-Лафлин заулыбался, обнажая утыканные ровненькими имплантами десны: как поживаешь, я, мол, хорошо.

Хорошо-то хорошо, а у самого волос осталось только на затылке перья седые, да и плечи повисли. На вид, по Мак-Лафлину четыреста первый план¹ не первый год плачет, а ведь они с Шехтманом почти как близнецы, родились в один год и один месяц. Мак-Лафлин старше на три дня. Обычно, встречая Мак-Лафлина, Шехтман говорил Богу спасибо за то, что жизнь потрепала его меньше, чем одногодка. Вон и ярлык у того сзади на штанах, а на нём размер: W38 L30. Шехтман скорее дал бы себя загнать насмерть на бе-

¹ Федеральный план 401(k) – одна из многочисленных государственных программ в США, позволяющих рабочим и служащим делать отчисления в частные пенсионные фонды, получая при этом налоговые льготы.

говой дорожке или оторвал бы ярлык, чем позволил бы кому-нибудь прочесть на своём заду такие цифры. Но сегодня почему-то при виде шотландца пришла в голову совсем другая мысль: что не в том печаль, что Мак-Лафлин выглядит намного старше своих лет, а в том, что это ему, Шехтману, столько же лет, сколько этому старому дядьке.

Шехтман посчитал так, что быстрее уже будет пешком по лестнице, но тут пришли сразу три кабины и оказалось даже вроде как просторно. Плоский настенный телеэкран, тут же в лифте, мельтешил, как всегда, непонятно: опять кого-то судят, тридцать пять процентов всех домашних котов страдают ожирением, на вероятность новых террористических атак приходится остальные шестьдесят пять процентов, и, наконец, главное – погода. Все в лифте даже дышать перестали, а ну как будет завтра настоящая снежная буря и можно будет по домам сидеть. А тут дышать, не дышать – не влияет. Не будет нам снежной бури, а будет все тот же мелкий, замерзающий на лету дождь со снегом и всё те же тридцать градусов мороза. Тридцать по-тутошнему – это по Цельсию минус один.

На седьмом этаже ещё вошли двое. Потесниться пришлось. Один сразу стал в телекамеру пялиться, а другая глаза отводить и вздыхать. Шехтман тоже засуетился, туда-сюда, на часы смотреть, рукавицы вынул. А всё затем чтоб не здороваться. И те двое ни гу-гу. Может, где-то ещё и другие порядки, в Нью-Йорке вон, говорят, чуть ли не на ланч

вместе ходят, а здесь если кто из русских другого встречает на работе или там на бензоколонке, то поздороваться – ни-ни, тем более по-русски. С п о н т о м: де, не догадываешься, что русские перед тобой. Показать, что узнал, считается вроде как неаккуратно. С одной стороны подумать – глупо, а разобраться – так нет. С чего бы это Шехтману первому здороваться? Он из Москвы, а эти ещё не пойми откуда. Да и неизвестно, давно ли они тут, у тетки вроде зуб золотой блеснул, а у мужика кольцо обручальное на правой руке. А Шехтман уж и в какой руке за столом ножик держать забыл, чего же ему теперь здороваться!

Да и никто в лифте этим двоим особо не кивнул. Только Мак-Лафлин ослабилсЯ. Так ему что, он по железу больше, они для него все, поди, на одно лицо: что Шехтман, что Падманабхан Джонналагадда-Рао, что эти. Это ведь с виду только все работяги одинаковы, у всех одна версия стоит и одни номера драйверов. А между собой-то шибко неравно, ступеньками идёт. Джонналагадду, небось, не научишь на ассемблере писать, а вон и Шехтман не всякий интерфейс ковать согласится. Есть пониже.

Эти двое придурков с седьмого этажа вообще сами ничего не могут. Ни баз данных, ни алгоритмов, ни даже пользовательского интерфейса. Могут только к чужой работе приди-раться и стучать в багтрэкер. Дык хоть бы могли там по-людски написать, а то лепят "выдаёт ошибку", а какую, когда, что в логe – этого не спрашивай. Три года назад, когда под-

ходил двухтысячный, в чью-то умную голову пришло, что об эти нули всё должно споткнуться и остановиться, и дальше не считать. Тогда каждого, кто мог отличить шлакоблок от аммонала, хватали на улице, обучали за три месяца вводить пароль и совали в зубы осьмушку бумаги, на которой писали имя – у кого какое – и сбоку две буквы: Q и A. По этим двум литерам всем вкруговую давали сорокатысячную пайку и сажали с ней гужеваться в кьюбикл. А там плэйер, наушники, и работу спрашивали только на третьи, шестые и девятые сутки.

Но чтой-то заколодило у начальства с этой задумкой. Вот уже второй год как то одного, то другого такого стукача встречали на итальянской Ривьере с выходным пособием за пазухой. И поломали те две буквы, перестал народ на них кидаться, а стали каждый снова писать код кто как хочет. Вышло как после того, с дотками. Тоже туфта была еще та, а снесло подчистую. Не удержался тогда Шехтман, подумал: долго же ты, Господь, терпишь, да больно бьешь.

Одного такого шакала Шехтман и сам знал. Был тот не то администратором в театре, не то редактором в издательстве, но буквы знал английские. Пристроился сначала в банк на те самые кью-эй, потом в дотком. Чему-то подучили его там – всё ж не уколы внутривенные – и, недотыка ж хренова, решил себе тачку немецкую купить. Как раз в понедельник десятого сентября и купил. А когда дым рассеялся, про тот дотком уже мало кто вспоминал. Администратор! Возит те-

перь пиццу на своей немецкой тачке. Человека можно и так повернуть, и так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.